

НАСЛЕДИЕ СИНДЗО АБЭ: КАК ДАЛЬШЕ РАЗВИВАТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ И ЯПОНИИ

11 марта 2021 | Онлайн-мероприятие

УЧАСТНИКИ:

Александр Габуев — руководитель программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» Московского Центра Карнеги.

Дмитрий Стрельцов — заведующий кафедрой востоковедения Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России.

Фусита Хиронори — научный сотрудник Японского института международных отношений.

Габуев. Добрый день, уважаемые зрители! Меня зовут Александр Габуев, я руководитель программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» Московского Центра Карнеги, и сегодня мы очень рады обсудить российско-японские экономические отношения. Это часть двухдневного ивента, который мы проводим, посвященного отношениям Москвы и Токио; вчера мы обсуждали вопросы геополитики и сегодня, как настоящие марксисты, немножко поговорим о базисе, то есть о торгово-экономических связях и о том, что было достигнуто в эпоху премьер-министра Абэ и каковы перспективы этих отношений, что можно будет улучшить, и где основные болевые точки. Я очень рад, что сегодня с нами смогут поговорить об этом Дмитрий Викторович Стрельцов, заведующий кафедрой востоковедения в МГИМО Университете, и господин Фусита Хиронори, научный сотрудник Японского института международных отношений. Очень приятно.

Коллеги! Эта дискуссия идет на русском, но у нее есть синхронный перевод на английский, который вы можете найти, и вы можете — мы поговорим немножко между собой, и потом вы сможете задать вопросы либо в YouTube-чате, либо через Твиттер, для этого нужно написать нам, отметив аккаунт @CarnegieRu. Хотя Твиттер работает немножко медленнее из-за действий Роскомнадзора, но тем не менее вопросы задавать вы можете, текстовые сообщения проходят без каких-либо помех.

Дмитрий Викторович! Наверно, начну с вас. В целом мы видели, что за прошедшую десятилетку, по крайней мере, правительство Абэ очень много пыталось улучшить отношения с Россией. И цели-то, наверно, были политические, но одним из главных инструментов была все же экономика, да? Был предложен план из восьми пунктов, и, в общем, японский кабинет министров довольно активно подталкивал национальный бизнес к тому, чтобы сотрудничать с Россией, искать здесь проекты, развивать Арктику и Дальний Восток. Давайте попробуем поговорить сначала, что из этого получилось и что не получилось. Как оценивают в Японии наследие Абэ и что будет с этим происходить дальше?

Стрельцов. Спасибо большое! Я сразу начну с сути вопроса: что такое план из восьми пунктов, и в чем была его политическая цель.

Все прекрасно помнят, что в мае 2016 года начался период некоего потепления, подъема в российско-японских отношениях после естественного спада, связанного с этой жесткой позицией Запада по отношению к России, присоединением Японии к санкциям в 2014 году, и то, что Абэ приехал в Сочи в 2016 году в мае и выдвинул вот такой план из восьми пунктов, это говорило о том, что у Абэ есть серьезное намерение по отношению к России поставить экономическое сотрудничество в качестве первоочередного направления отношений с Россией. Но у этого направления, у этих мер был явный такой политический контекст, связанный с желанием кабинета министров, с желанием Абэ решить проблему мирного договора, и на внутреннюю аудиторию было абсолютно откровенно сказано, что этот план нацелен на то, чтобы сдвинуть с мертвой точки вопрос о границе с Россией.

Но, поскольку была такая взята стратегия именно экономического развития отношений, развития экономических отношений, здесь стоит поговорить о том, как это все осуществлялось. Нужно сказать, что в тот период, но и вообще, если взять стратегию Абэ по отношению к России, главным советником Абэ были бюрократы из министерства экономики, это вот особенность стратегии Японии по отношению к России. В частности, один из бывших крупных чиновников из этого министерства, господин Имаи, стал

главным советником по российским делам, и, в общем-то, с подачи этого министерства был выдвинут такой план.

Но нужно сказать, что он был очень привлекательный. Его особенность заключалась в чем? В том, что, помимо традиционных областей сотрудничества с Россией, там фигурировали малозаметные, что ли, до того времени области, такие, например, как городская среда, или же медицина, или малые и средние предприятия, гуманитарные обмены, то есть те области, которым традиционно не уделялось большое внимание в двусторонних отношениях экономических, потому что до этого в основном речь шла о развитии энергетического сотрудничества, транспортного и т. д.

И нужно сказать, что этот план в целом был направлен на то, чтобы повысить имидж Японии, улучшить его в глазах российских граждан, но цель, в общем-то, заключалась, по всей видимости, в том, чтобы российское общественное мнение более позитивно относилось к Японии и с большей готовностью приняло условия мирного договора, если бы эти условия предусматривали передачу Японии каких-то территорий. Это было сказано достаточно откровенно, я повторяю, на внутреннюю аудиторию; конечно, на международном уровне или же на российскую аудиторию этот мотив не звучал, но все понимали, о чем идет речь.

И еще было важно то, что этот план был с готовностью принят российской стороной. Почему? Потому что, конечно, он был привлекателен с точки зрения того, что он был направлен на депрессивные области российской экономики, на те области, которые требовали первоочередного внимания государства. Это прежде всего социальная сфера. И не только социальная, конечно, сфера, но, например, развитие Дальнего Востока, это депрессивные районы российского востока, требующие первоочередного внимания.

И еще было важно то, что этот план был, в общем-то, согласован, или сопряжен, или шел в одном русле с национальными проектами России, то есть с проектами, которые были утверждены на самом высоком уровне, то есть в этом смысле российская экономическая стратегия была, в общем, основным таким лейтмотивом реализации этого плана из восьми пунктов.

И нужно сказать, что результаты, которые были достигнуты за эти четыре года с небольшим, — конечно, эти результаты были. Нельзя говорить, что они впечатляют, что по своим масштабам это какие-то колоссальные подвижки, но тем не менее результаты были, мы их все прекрасно знаем, и это, в общем, широко обсуждается и представляется в интернет-пространстве и в СМИ, какие были достигнуты результаты.

Конечно, много было сделано, в общем-то, и в социальной сфере: медицина, городское строительство. Например, новая сфера — это сельское хозяйство, сотрудничество России с Японией. Были построены мощности, например тепличные в Саха (Якутии), Россия стала импортировать японские агротехнологии активно.

В медицине это превентивная медицина, это создание крупного центра превентивной медицины в Хабаровске на базе больницы РЖД. Это приход японских фармацевтических компаний в Россию, которые позволили улучшить качество диагностики, и, кстати говоря, в связи с пандемией японские диагностические kit'ы были очень востребованы в России, даже было налажено в Казани производство этих kit'ов.

Это и, нужно сказать, в сфере промышленного производства и стажировки, и стажировки российских специалистов в Японии, и технологическая сфера, где были новые соглашения между различными промышленными компаниями.

Приход японских малых и средних предприятий в Россию также был предусмотрен этим планом, множество предприятий в потребительском секторе пришло в Россию.

Но в целом было привлечено к этому плану около двухсот всего предприятий японских, и реально из этих двухсот проектов с участием японских предприятий заработало не более половины. Это связано с чем? С тем, что, конечно, этот бизнес, бизнес в России, он очень политизирован. И если с японской стороны на первый план, в общем, ставилась политическая целесообразность и вот те цели политические, о которых я говорил, то с российской стороны говорилось о прибыльности этих проектов, об их экономической состоятельности и т. д. И в этом смысле позиции сторон не совсем совпадали, потому что многие из тех проектов, которые были запущены, требовали инвестиций, в том числе и государственной поддержки, а в Японии, повторяю, эта государственная поддержка — она была обусловлена прогрессом в области политической, то есть в области этих переговоров о мирном договоре и т. д. И поэтому у нас произошло некое несовпадение мотиваций сторон, которое в конечном счете сказалось на общих результатах. То есть результаты были, они, в общем-то, зримые, но говорить о каком-то масштабном прорыве не следует и не приходится.

За исключением одной области — это область энергетики, вот там действительно были крупные соглашения достигнуты. В частности, это привлечение японских крупных корпораций, в частности корпорации «Мицуи» (частной) и государственной корпорации JOGMEC, к разработке ямальского газа. В частности, в 2019 году было подписано инвестсоглашение на сумму почти 3 млрд долларов, Япония получила около 10% доли в проекте «Арктик СПГ-2», и это очень долгосрочные инвестиции, горизонт планирования здесь более 20 лет. И здесь, вот именно в этой области, можно сказать, что был достигнут некий качественный прорыв, потому что это действительно существенная доля на японском рынке сжиженного природного газа, а Япония получает практически весь свой газ в виде СПГ, и Россия фактически получила там около... Ну, на данный момент это от 7 до 8% этого рынка, но в перспективе она может его расширить. И кроме того, это не только, собственно, сама доля, но и приход японских компаний, например судоходной компании «Мицуи», дочерней компании «Мицуи», которая будет обеспечивать транспортировку СПГ с ямальских проектов и их перевалку в Камчатке, будет построен специальный транспортный хаб на Камчатке, и этот газ будет не только поставляться в Японию с этих проектов, но и вообще на рынки АТР, и в этом смысле этот проект, конечно, именно впечатляющий по своим масштабам.

Но нужно сказать, что, конечно, этот проект в какой-то степени политизирован, но политизация его не связана с проблемой мирного договора, а связана более с другими вещами, в частности это политика диверсификации источников энергоресурсов, которую проводит Япония уже давно, и Япония, в общем, делает ставку на самые разные страны, самые разные регионы, даже несмотря на то, что эти страны, например, находятся под международными санкциями, как Россия, или не отвечают, например, каким-то критериям демократии, как некоторые страны Африки, и т. д.

И еще важно то, что Япония, по всей видимости, стремится не допустить чрезмерной зависимости России от Китая по арктическим проектам, потому что Китай получил большие доли в обоих ямальских проектах, и в этом смысле, наверное, Япония, которая стремится к тому, чтобы Россия не была таким, в общем-то, слишком зависимым

государством от Китая в экономической и политической области, также прилагает усилия к этому, и нужно сказать, что ямальские проекты проводятся совместно, там участвует и Япония, и Китай, и, например, Франция, и в этом смысле эти проекты являются неким модельным видом проектов, которые, может быть, стоит распространить на другие области.

Ну я на этом, наверное, закончу, чтобы долго не говорить. Передам...

Габуев. Спасибо большое, мы тогда вернемся к вопросу будущего через один шаг. Хиронори-сан! Я хотел спросить, как оценивают результативность этой экономической политики Абэ в отношении России в Японии. Была ли она успешна, была ли она неуспешна, и почему?

Хиронори. Мне кажется, очень трудно ответить на ваши вопросы. Я вечно думаю, что курс Абэ-сан, курс внешней политики Абэ-сан, в особенности в отношениях с Россией, его политика правильна. Ведь потому что раньше японо-российское сотрудничество в области экономики — это в основном в развитие освоения ресурсов: газа, или нефти, или лесных ресурсов. Были такие, да, большие проекты. Но сейчас в Японии, как вам известно, структура экономики изменяется на более энергосберегающие структуры, в Японии появятся более энергосберегающие структуры, поэтому не надо импортировать из России или других стран больше энергетики.

Так что Абэ-сан предложил новые подходы сотрудничества из восьми пунктов, эти планы сотрудничества охватывают почти все области экономики, как профессор Стрельцов отметил, да. Хотя каждый из них, да, по масштабу не очень велик. Но этот проект, может быть, привлечет многих людей в сотрудничество, и, как уже профессор Стрельцов сказал, что сейчас в нескольких областях у нас прибыли, выгоды и хорошие результаты, а некоторые из них пока не очень хорошие результаты получают. Но мне кажется, политика Абэ-сан сама по себе — это очень правильный путь, и надо продолжать и дальше, дальше. Спасибо.

Габуев. Спасибо большое. Дмитрий Викторович, а что мы можем ожидать от японского кабинета? Будет ли такая активная политика на российском направлении, в том числе экономическое ее измерение, продолжена? Из того, что я услышал от вас и от Хиронори-сан, понятно, что некоторые успехи были, но, возможно, не все ожидания были реализованы, да? И это понятно, потому что было это противоречие между, с одной стороны, бизнесом, с другой стороны, политической задачей; с другой стороны, все мы знаем, что Дальний Восток даже по российским меркам не самое удобное место для ведения бизнеса: и коррупционные риски, и влияние оргпреступности и теневого сектора на экономику огромно, очень большие издержки транспортно-логистические, очень маленький внутренний рынок, поэтому, в общем, сложно там что-либо делать даже для российского бизнеса, как мы видим как раз по тем низким темпам развития по сравнению с некоторыми другими регионами.

И тем не менее с новым кабинетом мы можем ожидать того, что эта политика будет продолжена или как-то переупакована, либо же Токио логично ее потихонечку свернуть? Как вам кажется?

Стрельцов. Спасибо, это интересный вопрос, и он всех интересует.

Первое — по поводу нового кабинета. Насколько я могу судить, конечно, новый кабинет существенно изменил политическую мотивацию по отношению к России, и это

связано с тем, что сейчас в целом в Японии наблюдается некое разочарование результатами деятельности кабинетов Абэ на российском направлении, и это неизбежно сказывается и на будущей политике Японии по отношению к России. И второй еще момент — это связано с личностью нового премьера. Если Абэ Синдзо был все-таки сторонником отношений с Россией, развития отношений с Россией, основываясь на своем политическом бэкграунде, на своей семейной традиции, и у него были личные мотивы развивать эти отношения, то у нынешнего премьера такого бэкграунда нет; в общем-то, в основном он имеет такую бюрократическую карьеру, не политическую, и в большей степени опирается на теневые средства решения различных политических вопросов. И в этом смысле вот это личностное начало — оно не присутствует пока, и я думаю, что и не будет присутствовать в его дипломатии. И в этом смысле очень характерно то, что, по всей видимости, по отношению к России ставка будет делаться не на министерство экономики, торговли и промышленности, а на министерство иностранных дел, то есть на самую консервативную часть японского политического истеблишмента, которая, в общем, стоит на определенных позициях по отношению к России, очень сдержанных.

И в этом смысле план из восьми пунктов, конечно, утратил свою актуальность в настоящее время, его уже можно отнести к истории, его мы можем оценить уже, в общем, как нечто свершившееся, оценить уже его итоги, но не рассчитывать, что он будет продолжен.

В отношениях с Россией пока кабинетам Суги предстоит выработать какую-то стратегию, и если говорить о том, какие будут основные моменты, которые будут определять эту стратегию, мне кажется, это, конечно, будет не желание быстро решить территориальную проблему, а другие вопросы, больше геополитического характера, связанные с общей геополитической ситуацией в мире, с развитием японо-американских отношений, с развитием отношений России с Западом и с региональной ситуацией в Восточной Азии. Это, безусловно, фактор Китая, который сейчас в Японии на первом месте и в наибольшей степени определяет ее отношения и с другими странами, и здесь, конечно, в условиях некоего потепления отношений между Японией и Китаем, с одной стороны, с другой стороны, стратегии сдерживания Китая, это неизбежно скажется и на российском направлении внешней политики, потому что мне кажется, что кабинет Суги будет, с одной стороны, продвигать проекты сотрудничества с Россией, с тем чтобы, как я уже сказал, Россия не попала в одностороннюю зависимость от Китая (экономическую) и имела определенный простор для принятия политических решений, некое пространство для маневра. И второе — это, в общем, наиболее такая позитивная часть плана, которая и Россию тоже вполне устраивает, это возможность сотрудничества с Китаем в России по реализации многих проектов. Вот я привел уже пример ямальский, ямальские проекты, вот этот «Арктик СПГ-2», где участвуют как две крупные китайские компании, так и консорциум двух японских компаний, и французская компания, и, например, судоходные компании, которые будут перевозчиками СПГ, — это тоже, в общем-то, плод совместного проекта Японии и Китая.

И можно вспомнить, что в 2018 году японский премьер, посещая Пекин, договорился о реализации многих проектов инфраструктурного развития в азиатском регионе совместно с Китаем, и можно надеяться, что Россия станет одним из полигонов такого сотрудничества. Но для России, по всей видимости, стоило бы пересмотреть (это мое личное мнение) отношение к японской концепции видения Индо-Тихоокеанского региона, в рамках которой эти проекты реализуются, потому что до настоящего времени Россия, в общем-то, к этой концепции не проявляла большого интереса, а к ее политической составляющей, наоборот, проявляла критический подход. Но здесь есть большая такая позитивная составляющая, компонента, которая может быть вполне

использована Россией, и в этом я вижу определенную перспективу для развития наших отношений.

Ну и последнее, что хотел бы сказать: конечно, нельзя надеяться, что наши отношения в экономической области резко будут улучшены какими-то политическими манипуляциями, потому что структура их, этих отношений, уже устоялась, и нет смысла говорить о том, какая это структура, это структура такой полуколониальной торговли, когда Россия продает сырье, покупает в основном промышленную продукцию. 70% экспорта российского в Японию — это по-прежнему энергоносители, здесь ничего изменить нельзя, и товарооборот зависит от мирового спроса. Сейчас он довольно низкий, в 10 раз меньше, чем у Японии с Соединенными Штатами, и в 15 раз меньше, чем у Японии с Китаем. И изменить это невозможно. Японские инвестиции также на довольно низком уровне, там менее 1% всех иностранных инвестиций в России — это японские инвестиции. И поэтому здесь ничего изменить нельзя. Конечно, здесь трудно рассчитывать на какой-то качественный прорыв.

Поэтому, на мой взгляд, нужно идти по пути тому, что, в общем-то, было предложено этим планом из восьми пунктов, то есть развивать точечные проекты сотрудничества, делать ставку на экономически прибыльные, те, которые не требуют государственных инвестиций, государственных мер поддержки, которые могут в будущем принести пользу. И что мне очень нравится — то, что Япония делает ставку на социально значимые проекты, которые действительно нужны, особенно жителям депрессивных районов России. Вот я могу привести пример, что была построена совсем недавно в Саха (Якутии) ветряная дизель-электростанция, которая позволяет в условиях Крайнего Севера обеспечивать целый поселок с помощью этой возобновляемой энергетики электричеством. Это японские технологии, японские аккумуляторы. Вот такие малые дела, что ли, малые проекты — они во многом, мне кажется, могут двигать наши отношения в экономической области, только их нужно расширять и пропагандировать должным образом.

Габуев. Спасибо большое, Дмитрий Викторович. Я в защиту российской экономики и ее колониальной структуры торговли с Японией единственное что скажу — что такова же структура со всеми крупными экономиками.

Стрельцов. Да, конечно, конечно!

Габуев. У нас абсолютно такая же структура в торговле с ЕС, абсолютно такая же структура с Германией по отдельности, с Китаем и т. д. То есть это скорее больше про российскую экономику, чем про российско-японские отношения.

Хиронори-сан! Как вам кажется, какие новые области, какие точки роста экономических отношений мог бы унаследовать кабинет Суги сейчас? На что можно было бы обратить внимание? Это энергетика, это те малые проекты, о которых говорил Дмитрий Викторович, это сельское хозяйство?

Хиронори. Мне кажется, самая перспективная область — это водородная энергетика, потому что, как вам известно, администрация Суги и премьер-министр Суга сам заявил, что через десять лет, то есть до 2030-го, Япония изменяет свою экономическую структуру, не используя нефть и газ, и переход на водородную энергетику. Как вам известно, сейчас на Дальнем Востоке, российском Дальнем Востоке, идет проект развития водородной энергетики, и некоторые японские компании также

участвуют на этой области. Это, мне кажется, самая перспективная область сотрудничества с Россией.

Но я лично — более того, к тому же мне хотелось отметить, что препятствия у нас есть. Препятствия расширять сотрудничество между Россией у нас есть, да, у нас есть проблемы. Это, во-первых, низкий интерес к России среди бизнесменов ведущих компаний Японии. Это препятствие номер один. Дело в том, что японская компания расширяет свои сети продуктов, сети производства в основном в Тихоокеанском регионе, в Юго-Восточной Азии. Уже сделаны такие сети, сети добавленной стоимости. Тогда очень трудно добавлять Россию в такие сети добавленной стоимости. Это проблема. Хотя мы очень хорошо знаем, сейчас российское правительство полностью поддерживает расширять экономическое сотрудничество с другими странами, создав специальную экономическую территорию, ТОР, или свободный порт Владивостока, но... Такие мероприятия очень хорошие, мы все знаем, но, используя такие мероприятия, как добиться добавлять Россию в уже сделанные сети добавленной стоимости Японии? Да, очень серьезная проблема среди японцев.

Препятствие номер два — это низкая симпатия среди японцев к России. Недавно японское правительство опубликовало результаты опроса о внешней политике Японии. Тогда японское правительство спрашивало: «У вас есть хорошее отношение к России или негативно относитесь к России?» Тогда многие японцы считают, что у них нету симпатии к России. Вот это очень жаль, да.

Но в то же время многие японцы очень четко понимают, что Россия — это очень важная страна в Тихоокеанском регионе, сотрудничество с Россией в области экономики и в области политики — это очень важно для Японии. Это очень интересная история. У нас очень большая разница, у нас нету симпатии к России, но хорошо знают, что важность, да, сотрудничества с Россией. Тогда вопрос появится, как дальше нам надо, что нам надо делать. Это очень серьезная, да, проблема.

Мне кажется, чтобы уменьшить разницу, такую психологическую разницу, надо расширять межличностное взаимодействие, да. Это очень важный подход, мне кажется. Поэтому план из восьми пунктов включает межличностное взаимодействие, это сотрудничество надо расширять и улучшить имидж России в Японии. Это очень важно, и даже в экономическом сотрудничестве, мне кажется. Спасибо.

Габуев. Спасибо большое. У нас уже поступают вопросы, и вы можете задать свои, либо воспользовавшись функцией чата в YouTube, либо написав нам в Твиттер, отметив аккаунт @CarnegieRu. Давайте немножко поговорим пока что, пока мы собираем вопросы, о влиянии американских санкций, с одной стороны, на российско-японские экономические отношения и на тот процесс, который мы в «Карнеги», многие специалисты называют балканизацией глобальных технологических стандартов, связанный с углубляющимися противоречиями между Китаем и США. Очевидно, что Китай в результате торговой войны и некоторых действий администрации Трампа пытается максимально снизить свою зависимость от американской инновационной системы, от американских компонентов, и создать полностью свою экосистему для инновационной промышленности, и следовать политике опоры на собственные силы в ключевых направлениях экономики будущего: искусственный интеллект, работа с большими данными, связь пятого, шестого и далее поколения и т. д., и мы видим, что это является основой того нового пятилетнего плана развития, который сегодня будет утверждаться в Пекине окончательно. Президент Байден несколько дней назад подписал указ о том, что ключевые цепочки добавленной стоимости должны вернуться в США

и менее зависеть от других стран, но очевидно, что имеется в виду Китай. И мы, в общем, как мир, рискуем прийти к ситуации, где у нас есть две технологические платформы: одна, условно говоря, китаецентричная, другая, условно говоря, американоцентричная. И очевидно, что и Россия, и Япония могут оказаться по разные стороны этих технологических баррикад, да? Япония в силу своих союзнических отношений и высоких экономических связей с Америкой будет частью американоцентричного технологического мира, а Россия в силу конфликта с США и углубляющегося партнерства с Китаем будет в таком, более китаецентричном технологическом пространстве.

Как в этих условиях выстраивать и углублять наши отношения? Я вот помню — я думаю, что многие еще помнят ситуацию, когда ты прилетал из Москвы в Токио, включал телефон, и он не работал, да? То есть эта проблема уже решилась там, отчасти на уровне стандартов LTE и 3G, да, но вот до 3G стандарты абсолютно не бились друг с другом, поэтому приходилось там менять «трубку» и т. д. Вот мы потихонечку возвращаемся к каким-то таким временам. Как быть с этим?

Давайте, наверно, начнем с вопроса санкций конкретно, насколько они влияют на экономические отношения, и потом уже поговорим об этой большой технологической бифуркации. Дмитрий Викторович!

Стрельцов. Ну, по отношению к санкциям, к вопросу о санкциях, известно, что Япония, даже присоединившись к санкциям, была и среди стран «Большой семерки» наименее такой, я бы сказал, яростной в отношении России, то есть наиболее спокойной, наиболее осторожной, санкции были наиболее мягкими, и они касались в основном таких символических вещей, это визы, это некоторые были секторальные санкции, некоторые финансовые санкции, но тем не менее Япония известна тем, что она умеет эти санкции обходить, и даже в отношении стран, которые находятся под санкциями, прекрасно находить какие-то обходные пути. И в истории бывало так, что, например, в отношении Советского Союза в 80-е гг., после введенных санкций в связи с афганскими событиями, Япония прекрасно продолжала наращивать товарооборот с Советским Союзом. И это не только касается, кстати, Советского Союза, это и Китая, и Мьянмы, и других стран, где Япония самая такая прагматичная страна.

И в отношении нынешней ситуации? Да, действительно, элемент санкционного давления присутствует в двусторонних отношениях, он как раз проявился, например, в отношении газовых этих проектов на Ямале, когда было несколько потенциальных инвесторов с японской стороны, несколько частных компаний торгово-инвестиционных, в частности Mitsubishi, но Mitsubishi отказалась именно из-за... Одна из причин — это именно санкции. Опасаясь... Дело даже не в том, что будут прямые санкции, но опасение потерять долю американского рынка, опасение вот такого психологического гнета, связанного с санкциями, сыграло свою роль.

И еще важно, что японское правительство не может приказывать компаниям — в отличие, например, от Китая, где правительство может, так сказать, применить административные средства для принятия решений, — в Японии это невозможно. В Японии государство вынуждено действовать экономическими способами и т. д., и вот, в частности, в отношении этих проектов получилось так, что JOGMEC, это японская корпорация по газу, нефти и металлам, это государственная компания, взяла на себя практически три четверти рисков, то есть три четверти японских инвестиций — это государственные инвестиции, и только четверть — это «Мицуй». То есть это большой уровень таких государственных гарантий, государственной поддержки, без которого участие японского капитала невозможно. Это вот, собственно говоря, самое слабое звено

наших отношений с Японией, что по крупным проектам фактически главную роль играет государство, решающее слово за ним. А проблема с Японией в том, что государственные инвестиции только могут быть обоснованы политическими целями. Либо это мирный договор, либо какие-то другие соображения, но я о них уже отчасти сказал: это и фактор Китая, и фактор диверсификации, экономической безопасности и прочее.

Но в отношении вашего второго вопроса, насколько Россия окажется в этой ловушке, что ли, связанной с биполярностью технологической между Китаем и Соединенными Штатами, я не склонен преувеличивать этот момент, потому что все-таки, если брать российско-японские отношения, то такое высокотехнологичное оборудование, которое, в общем, требует унификации стандартов, оно занимает в нашей торговле очень небольшое место. Это в основном касается очень узкого круга оборудования. И в основном мы импортируем из Японии потребительскую продукцию: например, автомобили — основа нашего импорта из Японии. Или это социально значимые продукты, которые не требуют технологических каких-то согласований. Здесь этот вопрос, наверно, решится сам собой, тем более что Япония в этом смысле как раз является очень прагматичной страной, и наверняка будут найдены, если даже такие проблемы возникнут, какие-то обходные пути, для того чтобы наши отношения развивались.

И последнее, что я хотел бы сказать, это вот по поводу американского фактора в японо-российских отношениях на нынешнем этапе. Ну, мне кажется, что, хотя у нас сейчас президент от демократической партии, и можно вспомнить, что демпартия напирала на демократические ценности, и значит, можно высказать опасение, что администрация Байдена будет давить на Японию, с тем чтобы она прекратила политический диалог с Россией, но мне кажется, это не совсем так, потому что сейчас, в общем-то, для Соединенных Штатов важнее все-таки глобальная повестка дня, а в рамках глобальных вопросов мировых это и разоруженческая тематика, и борьба с потеплением климата, — без участия Китая, России и Японии невозможно решить эти вопросы, и я думаю, что во всяком случае по азиатским делам никакого такого политического давления на Японию в контексте отношений с Россией ожидать не приходится.

Габуев. Спасибо большое. Хиرونори-сан! Очень коротко, будет ли влияние американских санкций на российско-японские экономические отношения, и насколько влияет этот технологический конфликт Китая и США на то, как мы будем взаимодействовать с Японией в сфере технологий, или это влияние ограничено?

Хиرونори. Да, коротко отвечу. Влияние санкций на японо-российское сотрудничество в области экономики, конечно, есть. Российские партнеры часто настаивают, что сейчас в России разрабатывают свои новейшие гражданские самолеты МС-21, но из-за санкций российская компания не может получить материалы из Японии, из Америки, так что в области высокотехнологического сотрудничества — да, у нас сейчас очень большие барьеры есть, и так настаивают российские партнеры. В то же время с японской стороны некоторые японские компании из-за санкций Америки не участвуют в конкретном проекте сотрудничества с Россией, такие практики есть, и поэтому, мне кажется, санкции, да, отрицательно оказывают на экономическое сотрудничество с Россией.

Что касается борьбы, технологической борьбы между Америкой и Китаем, я также не очень хорошо знаю об этой области. Но, кажется, сейчас технология — мне кажется, технология универсальна, так что... Как вам известно, Китай развивает свои технологии,

получив технологии из-за границы, из Европы, из Японии, из Америки, и тогда они делают, развивают самостоятельно. И корни технологии одинаковы. Что касается технологии сети Интернета или технологий — да, корни одинаковы, поэтому мне кажется... Да, поэтому я не знаю, разница технологий между Америкой и Китаем станет большой или... Пока не знаю.

Габуев. Спасибо, спасибо, отлично! Коллеги, у нас поступает довольно много вопросов, и остается примерно десять минут. Давайте попробуем очень коротко на них ответить.

Первый вопрос, я думаю, что Дмитрию Викторовичу. «Господин Хиронори сказал, что японское общество негативно относится к России. Есть ли у нас данные соцопросов об отношении российского общества к Японии и как оно меняется в динамике?»

Стрельцов. Самых свежих данных у меня нет, но в целом большинство российского общества относится к России [Японии] доброжелательно, позитивно. Я думаю, что около 70% россиян оценивают [Японии] позитивно. Вот все, что я могу сказать.

Габуев. Понятно. Еще один вопрос есть к господину Хиронори. К заседанию суда над Алексеем Навальным было привлечено внимание иностранных дипломатов — да, мы видели, что многие посольства в связи со сложившейся практикой наблюдают за политически значимыми судебными заседаниями, — в том числе там были дипломаты из Японии. Как вы думаете, может ли внутривнутриполитическая ситуация в России повлиять на ее отношения с Японией?

Хиронори. Мне кажется, что непосредственно не оказывает на японскую дипломатию в России. Но имидж России среди японцев, конечно, ухудшается. Но, как вам известно, Япония, внешняя политика Японии в основном не вмешивается в другой стране, поэтому...

Габуев. Ну, то есть это вряд ли будет каким-то фактором. Ага, отлично.

Вопрос к Дмитрию Стрельцову. Москва относится к Японии в вопросах геополитики как к несамостоятельному игроку, это часто можно слышать, о том, что с Японией невозможно о чем-то договориться, потому что у нее есть «старший брат», и даже если вы о чем-то договоритесь с Токио, потом в Вашингтоне эти договоренности могут переиграть. Насколько это отношение, на ваш взгляд, оправданно? Ведь такая линия в отношении России во время Абэ показывает, что японская внешняя политика может идти и вразрез с американской на каких-то направлениях.

Стрельцов. На мой взгляд, японская внешняя политика вполне самостоятельна, автономна, и имеют место стереотипы, которые сложились еще в период холодной войны. Скорее Япония использует Америку, чем наоборот, во многих случаях. И когда речь идет о национальных интересах Японии, Япония прекрасно игнорирует мнение Америки. Это касается, кстати, не только России, но и многих других стран, где мнения могут различаться, и Япония может идти против Америки совершенно открыто.

И что касается России, вот российской стороны, то, действительно, это проблема, потому что в нашем истеблишменте есть сильные такие стереотипы в отношении Японии, что это такое несамостоятельное государство, сателлит Америки и прочее. Но вот мне иногда даже странно смотреть, что, с одной стороны, мы ругаем японо-американский

союз, который вроде бы направлен против России, а с другой стороны, когда Япония начинает активно проводить свое военное строительство, тоже идет критика, что вот Япония проводит милитаризацию, хотя, казалось бы, как раз именно союз с Америкой сдерживает милитаристские, в общем-то, эти тренды в политике Японии. То есть нам нужно уж тогда определиться, что мы хотим от Японии, то есть какой страной она хочет быть, учитывая то, что у нее тоже много угроз и нужно решать их, проблема безопасности требует какого-то решения.

Габуев. Ага, соглашусь с вами. Вопрос господину Хиронори. В свое время, еще при Трампе, была выдвинута некая стратегия, которую совместно продвигали США, Япония и Австралия, Blue Dot Network, то есть некая сеть инфраструктурных проектов, которая развивалась бы совместно и позиционировалась как некая альтернатива китайскому мегапроекту, «Поясу и пути». Вот будет ли этот проект затрагивать каким-то образом Россию, то есть есть ли здесь потенциал для привлечения России в проекты, где участвует Япония, ее союзники, альтернативные китайским инфраструктурным проектам?

Хиронори. Да, недавно премьер-министр Суга заявил, что Япония намерена укрепить стратегические отношения с Соединенными Штатами, Индией и Австралией. Для сдерживания против Китая, да. Мне кажется, это впервые господин Суга публично заявил свою политику, внешнюю политику. Мне кажется, после того, как он вступил в должность премьер-министра, никогда не заявил свое мнение про внешнюю политику Японии, но в конце прошлого месяца впервые заявил: Япония намерена сдерживать против Китая. Так что сотрудничество с Америкой или Австралией и Индией очень важно для Японии, но в мнении господина Суги места России пока нет. Это очень важная разница с политикой господина Абэ. Абэ включает, Абэ намерен включить Россию в Quad, намерен добавить Россию в Quad или расширять рамки сотрудничества, но у Суги такого мнения нету. Это очень, да, важная разница, мне кажется. Спасибо.

Габуев. Спасибо большое. У нас есть вопрос от нашей коллеги Анны Киреевой. Мы поговорили о том, какие области экономического сотрудничества могут быть перспективными. А что Россия могла бы сделать для того, чтобы инструменты территорий опережающего развития и свободного порта Владивосток могли бы быть еще более привлекательны для японских инвесторов и компаний? Есть ли что-то конкретное, что Россия могла бы сделать на этом направлении, чтобы уже созданные инструменты были более востребованы иностранцами? Прежде всего японскими компаниями.

Стрельцов. Ну, я могу только сказать одно: что, по всей видимости, речь идет не о каких-то институциональных, или административных, или политических мерах, которые требуются, и, собственно, если б этих мер не было — то есть при наличии таких мер у нас произойдет какой-то сдвиг, да? Я считаю, что и сейчас... То, что можно было сделать, уже было сделано, были созданы условия для прихода инвесторов, и есть множество различных позитивных примеров прихода японских компаний в Россию. Но почему в массе своей японский бизнес не приходит? Вот у нас в России менее пятисот японских компаний всего присутствует, а, обратите внимание, в Китае — 32 тысячи, и почти 10 тысяч — в Америке. А у нас только пятьсот. Почему? Это, конечно, не потому, что у нас мало каких-то шагов таких, сверху идущих, а это связано с нашими уже внутренними условиями. Это инвестиционный климат, это законодательство, это независимый суд, это ясно, что это и таможенные процедуры, это взаимоотношения с властями, то есть это то, что, в общем-то, уже на протяжении десятков лет висит дамокловым мечом над торговыми отношениями России со многими странами. Что мы пытаемся изменить, но это, в общем, наверное, изменить очень трудно, потому что это

общая ситуация внутренняя в России, которая касается не только Японии, а вообще всех стран мира.

Габуев. Спасибо большое. Ваши мысли очень рифмуются с мыслями, которые сегодня озвучил мой коллега Максим Крылов в только что вышедшем на carnegie.ru тексте о будущем российско-японских отношений, я всех призываю почитать и подискутировать.

Если подводить итог, коллеги, то в целом я скорее выхожу бóльшим оптимистом, потому что мне кажется, что благодаря успехам и неудачам плана из восьми пунктов и экономической политики Абэ у нас по крайней мере есть возможность не войти в новый политический цикл с какими-то завышенными ожиданиями. Мы уже довольно много попробовали чего, и мы поняли, что идущие сверху директивные планы не всегда реализуются; это было, в общем, понятно, наверно, на интеллектуальном уровне, но мы еще и попробовали это поделаться руками и в этом убедились. И главным успехом, главным критерием успеха здесь является, действительно, рыночная обоснованность различных проектов, да? Вот там, где есть такой проект, как «Ямал СПГ», есть там НОВАТЭК, который на примере Ямала показал, что они могут вовремя делать качественные проекты и выводить сжиженный газ на рынок в том объеме, в котором они заявили, в те сроки, которые они заявили, и даже чуть-чуть раньше, — после этого японские инвесторы готовы вкладываться в следующие проекты, и мы видим привлечение в «Арктик СПГ». Если есть какой-то спрос на местные теплицы и т. д., то японские компании тоже готовы занять эту нишу. И действительно, России, для того чтобы привлечь больше японских инвестиций и нарастить объем торговли, нужно сделать огромное домашнее задание по улучшению собственного инвестклимата и условий ведения бизнеса, то, о чем говорит и президент, и чередя премьеров, и так далее, на протяжении многих лет, где есть какой-то прогресс и какие-то подвижки, но где еще предстоит сделать очень, очень и очень много, и это нужно не только для углубления российско-японских отношений, но и вообще для развития экономики.

Я хочу поблагодарить Дмитрия и господина Хиронори, поблагодарить всех слушателей. Будьте здоровы, спасибо большое!

Стрельцов. Спасибо, Александр! Спасибо, Хиронори-сан!